

— Чан Ань?

Чэнь Таотао окликнула его, и в ее голосе прозвучало невольное сомнение. Дрожь, пронизывающая слова, казалось, была пропитана холодом летящего повсюду снега — одно лишь ее звучание заставляло почувствовать пробирающий до костей мороз.

Чан Ань, державший в руках метлу, на мгновение замер. Он уловил ледяные нотки в ее голосе и невольно вспомнил последний месяц своей жизни. Она действительно была к нему необычайно добра.

Когда наступали холода, она лично приносила ему горячий суп и ватную одежду. Если ей попадалось что-то вкусное, она обязательно присылала часть ему. Боясь, что он отравится дымом от некачественного угля, она отдала ему лучший золотистый уголь из своей спальни.

По сравнению с прошлым это была суцая пропасть. Раньше ему приходилось прислуживать всем во дворе Нинси, и он бесчисленное количество раз твердил себе: остерегайся подвоха, наверняка это лишь коварный план, чтобы ты привык к такой жизни, а потом она сбросит тебя с небес в пропасть!

Но, сам того не осознавая, он быстро привык к этому комфорту. К тем деликатесам и вещам, которые обычные слуги видели крайне редко, он почему-то питал странную, необъяснимую симпатию. Чтобы преодолеть возможные трудности в будущем, если придется снова жить в бедности, он начал закалять свой дух и тело, в одиночку взявшись вычистить снег во всем заднем дворе.

И хотя, заслышав ее голос, он все еще вспоминал недавние мрачные дни, у него больше не было желания злить ее или возвращаться к прежнему существованию.

— На улице холодно, госпожа, лучше идите в дом.

Чэнь Таотао была удивлена, услышав, как он обратился к ней мягким, низким голосом. Прошел уже больше месяца, и это были первые слова, которые он ей сказал! Нелегко, ох как нелегко, этот маленький глупыш наконец-то перестал ее так бояться.

— Хорошо, ты тоже заходи поскорее!

В маленькой комнатке Чан Аня было тесно, и все трое, оказавшись в таком ограниченном пространстве, чувствовали себя неловко.

— Я принесла тебе пирожных со свежим молоком, попробуй.

Чэнь Таотао первой прервала молчание, протягивая ему угощение, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

— Благодарю, госпожа.

Чан Ань принял их обеими руками, вежливо и отстраненно. В домике снова воцарилась тишина.

— Это твой первый канун Нового года в поместье Гогун, верно? У нас здесь обычаи не такие, как в Юньчжоу. Если что-то непривычно, обязательно говори мне.

Чэнь Таотао снова начала разговор, лишь бы заполнить пустоту.

— Госпожа, мне ко всему привычно, здесь уже очень хорошо. К тому же, о делах в Юньчжоу я почти ничего не помню.

Юноша произнес это осторожно, стараясь казаться безразличным. Чэнь Таотао невольно прониклась сочувствием. Раз он ничего не помнит и заперт в одиночестве в этом маленьком дворике, то какое у него может быть представление о празднике? Неужели она сейчас задела его за живое?

— Тогда сегодня вечером ни в коем случае не сиди взаперти в своей комнате. Канун Нового года в нашем Тяньшэне всегда проходит шумно и весело, — улыбнувшись, сказала она.

— Госпожа, разве не вы сами отдали приказ не позволять ему ни на шаг покидать задний двор?
— тихо напомнила Минъюэ.

— И что с того, что мы в маленьком дворике? Разве нельзя здесь встретить праздник? Чан Ань, жди меня.

Сказав это, она вместе с Минъюэ поспешно удалилась, не забыв напоследок несколько раз наказать Чан Аню ложиться спать попозже.

Семейное воссоединение, прекрасный вечер... Такая уютная атмосфера была тем, о чем она бесчисленное количество раз мечтала в своей реальной жизни. Вспоминая отца, бросившего ее и мать, и мать, которая дни напролет проводила за игрой в маджонг, оставляя ее одну даже в новогоднюю ночь, она всегда считала, что обычный семейный праздник — это лишь несбыточная мечта.

Поэтому в мире, который она создавала в своих книгах, канун Нового года всегда был самым важным событием: длинные улицы, украшенные фонарями, бесконечные цветы — сплошное великолепие. Хотя ее книги были полны страданий, ни одно убийство или трагическое расставание никогда не происходило в канун Нового года.

Раз уж жизнь людей в обычные дни полна горечи и трудностей, то хотя бы в праздник они должны позволить себе быть по-настоящему счастливыми.

— Госпожа, зачем вы так быстро идете?

— Госпожа, у нас совсем не осталось денег.

— Госпожа, вам нужно готовиться к завтрашнему праздничному банкету, лучше посмотрите на свое платье.

— Госпожа...

Чэнь Таотао окончательно потеряла терпение от бесконечного ворчания своей служанки.

— Минъюэ, ты хоть понимаешь, куда я иду?

— Минъюэ не знает, но вам действительно пора примерить праздничный наряд, иначе не успеете!

— Тогда зачем ты меня останавливаешь? Я всего лишь иду на склад за фейерверками...

— За фейерверками? Разве не вы говорили, что они шумные, и запретили их закупать?

— Фейерверки? Разве вы раньше не ненавидели эти шумные игрушки?

— Это чтобы одолжить их со склада во дворе Ланьцан. У Хаохао они точно есть.

— Госпожа, позвольте мне отправить Ли Эня. Он хорошо знаком со слугами из двора второй госпожи Нин, он точно сможет их достать.

Ли Энь? Тот самый слуга, который отвел Чан Аня во двор Ланьцан, чтобы унижить его? Чэнь Таотао начинала болеть голова при одном упоминании этого имени. Она не знала, чем именно Чан Ань насолил ему, но тот питал к нему лютую ненависть. Когда Чан Ань был во внешнем дворе, он подвергался с его стороны бесконечным издевательствам. В тот день, когда она велела Минъюэ принести фальшивый палец, чтобы обмануть их, будто он был отрублен у Чан Аня, а затем закопать его, кто бы мог подумать, что этот Ли Энь скормит его собакам, а потом будет хохотать...

Хотя косвенно он помог им скрыть правду, сделав так, что никто никогда не узнает тайну того пальца, описание Минъюэ того, как исказилось его лицо в тот момент, вызывало у нее тошноту. Этот человек, так вцепившийся в Чан Аня и отличавшийся такой жестокостью, рано или поздно навлечет беду, если его не устранить.

Заметив, что Чэнь Таотао внезапно остановилась и замолчала, Минъюэ решила, что сказала что-то не то, и тут же опустилась на колени, прося прощения.

— Минъюэ, не нужно коленопреклонений, вставай, — Чэнь Таотао помогла ей подняться. В голове мелькнул фрагмент сюжета книги, созрел план, и она с улыбкой сказала: — Пусть идет. И запомни, пусть возьмет побольше. В этом году на Праздник фонарей мы во дворе Нинси тоже устроим состязание фейерверков.

Миньюэ, не обращая внимания на странную улыбку госпожи, поспешно выполнила поручение, а затем повела ее на примерку. Завтра был важный день, как можно не подготовиться как следует?

Под присмотром Миньюэ Чэнь Таотао облачилась в праздничный наряд. Это было платье нежно-лилового цвета, сшитое довольно скромно, но приятно согревающее. Оно смотрелось на ней очень мило, хотя и не совсем соответствовало статусу знатной девицы, делая ее похожей на простую, но очаровательную девушку из небогатой семьи.

Миньюэ заметила недовольство своей госпожи и попыталась утешить ее:

— Если вам не нравится, я схожу к портнихе и принесу что-нибудь еще.

— Не стоит, мастерская на другом конце города, ты вернешься только к ночи. К тому же, я всегда придерживалась такого стиля, если внезапно изменю его, это будет выглядеть странно. Мне, как дочери наложницы, лучше не привлекать лишнего внимания.

Миньюэ, решив, что госпожа расстроилась из-за своего происхождения, промолчала и начала доставать украшения.

— Госпожа, посмотрите: эта заколка в виде цветка бегонии выглядит как настоящая, а какой нефритовый браслет — высший сорт!

Она лишь мельком взглянула на украшения. Она не разбиралась в качестве нефрита, но знала, что по ценности эти безделушки вряд ли стоят и десятой части той маленькой нефритовой пластинки Чан Аня. Дед Чэнь Таотао торговал лекарствами, но никогда не дарил ей золота или драгоценностей. Будучи дочерью наложницы, могла ли она рассчитывать на что-то стоящее в поместье Гогун? Лишь то, что удавалось получить от госпожи Ван, — украшения среднего качества.

Раньше Чэнь Таотао ими пренебрегала, появляясь на людях без всяких излишеств, что создало ей репутацию утонченной и возвышенной девы. Хотя она знала, что эти украшения дешевы, ее внимание привлекла та самая заколка с бегонией. И правда, она была выполнена очень искусно — нежная, изящная, живая. Она идеально подходила к образу Чэнь Таотао.

Подождите, заколка с бегонией?

<http://bllate.org/book/18614/1792169>